

Пожизненно — смертник

Судьба человека-невидимки, рассказанная им самим

Зал вылета пассажиров на одном из военных аэродромов под Лондоном просто крошечный. Но еще теснее помещение, где в этот дождливый день в нетерпеливом ожидании пребывает человек, которого маленький турбовинтовой самолет должен доставить в Германию. Его пригласила в ФРГ депутат бундестага от социал-демократов Теа Бок.

Обозначаться нельзя: этот человек — Салман Рунди. Брови — приподняты. Приподняты и воротничок пальто. «Привет», — говорит он и через мгновение уже трясет, пожимая, чью-то руку. Как будто торопится доказать, что он не призрак. «Рад познакомиться», — едва Рунди произносит это, как тут же скрывается за спецдверью для прохождения паспортного контроля.

С 14 февраля 1989 года — с того дня, когда аятолла Хомейни призвал «правосверных мусульман» убить Рунди за его «Сатанинские стихи» — опальный литератор живет в подполье. Почти четыре года! Наследники Хомейни сулят за его голову миллионы. Он — один из самых одиноких людей в Европе. Но он не знает одиночества. Его судьбу делит с ним не только родные и близкие, но и полицейские.

Он ждет вылета в спецпомещения, проходит через спецдвери, живет в спецдомах, ездит на спецавтомобилях, летает спецсамолетами. Как и на этот раз. Четыре крупные европейские авиакомпании — в том числе и «Люфганза» — откредитовались от Рунди-пассажира. Представитель «Люфганзы» заявил: «Из соображений безопасности, по рекомендации федерального министерства транспорта, мы отказались от доставки в страну Рунди».

Поэтому он и летит сейчас на частном мини-самолете, выполняющем чартерный рейс. Его потряхивает на воздушных ямах по пути в страну, которая является самым крупным торговым партнером Ирана, которой министр экономики Меллеман год назад во время визита в Тегеран предоставил заказы на миллиардные суммы. Именно в ту страну, которая пригласила иранские государственные издательства принять участие в международной Франкфуртской книжной ярмарке (только в самый последний момент приглашение было аннулировано). Он летит в страну, которая между тем вновь собирается открыть в Тегеране филиал института Гете. В страну, где ни по гессенскому, ни по сарскому радио нельзя транслировать в эфир «Сатанинские стихи» — по соображениям безопасности.

«Долгие годы я оборонялся», — говорит писатель. — Сейчас я решил организовать кампанию наступательного характера. Мне нужна поддержка. Если я не буду показываться на людях, если я сам о себе не буду говорить, то могу быть предан забвению. Но ведь речь не только обо мне, речь о главной ценности нашего общества: о защите культурной идеи, имя которой — Европа».

Самолет садится в темноте. Рунди уже ждет полицейские машины с включенными «мигалками» и бронированные лимузины. Он смотрит в иллюминатор: «О, Боже! Прием, почти как при встрече президента!»

Некоторое время спустя он сидит уже в Бад-Годесберге в «Сент-Махаэле» — ресторане, который был снят специально для него. Поприветствовать его пришло несколько друзей — таких, как президент немецкого ПЕН-центра Герт Хайденрайх и известный политик, христианский демократ Фридрих Флюгер. В последующие дни Рунди пытается растолковать боникским политикам — от Берна Энгхольма до Риты Зюсмут — свою ужасную ситуацию и побудить их к более решительным действиям по отношению к режиму иранских мулл. Некоторые политики не захотели принять возмущительного спокойствия, человека-невидимки, как он сам однажды себя назвал.

Телохранители, конечно же,

всегда рядом. «Степень готовности 1 плюс». Хозяин ресторана вспоминает: «Последний раз нам приходилось задеггивать шторы одиннадцать лет назад, когда здесь сидел «нефтяной» министр Саудовской Аравии».

— Мистер Рунди, чего вам недостает в вашей жизни более всего?

Рунди: — Ничего, что можно было бы назвать особо примечательным. У меня нет стремления провести отпуск, скажем, где-то у Великой китайской стены или непременно посетить оперу. Я мечтаю перестать быть исключительным случаем. Мечтаю о вещах, которые вам, возможно, покажутся скучными. Хотелось бы порываться в книжном магазине и купить не ту книгу, за которой я, собственно, пришел, а двенадцать других, случайно открытых мной. Хочу сам покупать себе продукты. Я ведь уже три года и девять месяцев не покупал себе газету в киоске за углом. Если я хочу подойти к наружной двери дома — я должен спросить разрешения. Самое ужасное в моей ситуации — полная утрата непроизвольного, повседневного.

— Как вам удается в этих условиях не растерять друзей?

Рунди: — Довольно трудно обрести новых. Старые же друзья всегда чудесно относились ко

мусульман желал бы моей смерти, то это все равно был бы целый миллион потенциальных убийц. Это очень удручает: я отделен от того мира, который больше, чем любой другой, дал мне сил, чтобы писать. Поэтому я боюсь, что однажды мои книги станут ностальгическими.

— Часть вашей семьи живет в фундаменталистском Пакистане. Не пострадали ли эти люди только за то, что они ваши родственники?

Рунди: — Моя мать живет в Карачи. У нее та же фамилия, что и у меня. И до сего дня в ее доме не было ни одного телефонного звонка с угрозами.

— Однажды вы сказали, что после «смертного приговора» Хомейни для вас утратило значение все, что вы считали чем-то само собой разумеющимся.

Рунди: — Каждый человек создает свою картину мира и живет в этом мире без каких-либо глобальных противоречий. Я же, напротив, вынужден был признать себе в том, что моя картина мира — в любом отношении — оказалась в основе своей неверной. Люди, о которых я все время писал и принадлежность к которым ощущал — иммигранты азиатского происхождения в Великобритании, — именно эти люди сжигали мою книгу. 20 лет я боролся

Рунди: — Это был самый ужасный период в моей жизни. Проблема заключалась не только в том, что я должен был привыкнуть к тайному существованию. Распался мой брак, и я потерял всякую ориентацию в жизни. Но своему сыну еще задолго до «аферы Рунди» я пообещал написать книгу для детей. Я хотел сдержать обещание. Это было немногим из того, что я вообще мог сделать для сына. Так в самый мрачный период моей жизни возникла книга, наполненная счастьем больше, чем любое другое произведение из тех, что я написал.

— Как можно положить конец вашим злоключениям?

Рунди: — К «делу Рунди» нужно относиться так же, как к апартеиду в Южной Африке. Где бы ни появлялись представители южноафриканского режима — первое, о чем их спрашивали: «А как у вас с апартеидом?» Им постоянно напоминали об этом, их мучили этим. Подобное будет мучить и мулл. Поверьте мне, и тираны хотят быть любимыми.

— Почему Запад должен быть заинтересован в том, чтобы торговаться с Ираном не из-за нефти, а из-за вас?

Рунди: — Речь идет не только обо мне. Тот, кто защищает меня, защищает и идею. Идею сво-

В ресторане «Сент-Михаэль» в Бад-Годесберге Салман Рунди, быть может, впервые за долгое время позволил себе расслабиться...

мне. Мое дело стало их делом. Единственный человек, который меня действительно поразила, — писательница Жермен Грер. Она не только предъявила мне абсурдные обвинения в том, что я страдаю манией величия — я тот, у кого власти меньше, чем у кого-либо другого! — но и порекомендовала феминисткам обходиться с порнографией так, как муллы обращаются с «Сатанинскими стихами». И это в то время, как частным образом она всегда слала мне записки, в которых заверяла в своей нерушимой дружбе.

— Можете ли вы вообще творить в сложившейся ситуации?

Рунди: — Я всегда говорю сам себе: многие великие романы были написаны в тюрьме. Сейчас в моей голове достаточно историй, которые я могу рассказать. Но если мне предстоит еще долго жить отрезанным от мира — писать станет труднее.

— Вы родились в Индии, писали о своей родной стране. Верите ли вы, что сможете когда-нибудь туда вернуться?

Рунди: — Индии мне недостает больше, чем чего бы то ни было. Даже если бы я смог вернуться к нормальной жизни в Европе, Индия все равно была бы для меня слишком опасной. Если даже только один процент индийских

против английского расизма — и вдруг люди, которых я защищал, обвиняют в расизме меня. С тех пор как я живу в Англии, я поддерживал лейбористскую партию. Позже я вынужден был констатировать: лейбористы — за редкими исключениями — предали меня. В то время как консерваторы, против которых я всегда боролся, спасли мне жизнь. Возможно, верно утверждение о том, что художнику в жизни не может быть плохо. Чем хуже ему — тем лучше для него. Искусство часто рождалось из боли.

— Роман, который вы написали вслед за вынесением вам «смертного приговора», был самым смешным из ваших произведений.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Тучи вновь сгущаются над головой английского писателя Салмана Рунди, автора знаменитых «Сатанинских стихов», расцененных еще при жизни духовного лидера Ирана аятоллы Хомейни в 1989 году как «оскорбление ислама». С тех пор сумма вознаграждения за его голову возросла более чем вдвое — с одного миллиона до двух с лишним. А на прошлой неделе вновь подскочила, по данным тегеранской газеты «Джумхури ислами», на насколько — не уточняется.

Глава некой иранской организации аятолла Хасан Саней, для которого, по видимому, убийство Рунди — цель жизни, заявил на днях, что пошлет ради этого новую партию добровольцев за границу. При этом он добавил, что если «священное возмездие» свершит кто-либо из окружения Рунди, то

боду мнений и тем самым — целую культуру. И иранцев, которые страдают от существующего режима больше, чем кто-либо.

— А если Запад забудет вас? Вы не боитесь остаться без поддержки?

Рунди: — Я принял решение — не бояться. Потому что мой страх означал бы триумф моих противников. Если это поможет другим держаться в жизни на плаву — ради этого можно перестать бояться. Даже если для страха есть серьезные основания. И я при этом не герой, поверьте мне.

(Перепечатывается с сокращениями из журнала «Штерн»).

сумма вознаграждения будет еще больше увеличена. Неизменность приговора покойного аятоллы на прошлой неделе подтвердил Верховный суд Ирана. В том же духе высказались и министр иностранных дел Велаяти, а также сын аятоллы Ахмад Хомейни. Между тем действия Ирана в данном вопросе расцениваются как проявление средневекового мракобесия во многих мусульманских странах. На днях президент Египта Х. Мубарак призвал арабские страны оказывать противодействие экспансионизму правителей Тегерана, особо подчеркнув, что те не имеют никакого права говорить и действовать от имени всех мусульман. Явный намек на «дело Рунди».

А. ШУМИЛИН.
(Наш соб. корр.)

Каир.